

---

---

Владимир ЧИСНИКОВ

# ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПО СВЕДЕНИЯМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ (1861—1896)\*

## ЧАСТЬ 3. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ЛЬВА ТОЛСТОГО ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ

Охарактеризовав в «Сведениях...» произведения графа Толстого, департаментские «толстоведы» следующий раздел своего труда, посвятили «неблагонадежным в политическом отношении» последователям графа Толстого, которые обратили на себя внимание политической полиции «пропагандою проводимых гр. Толстым идей». Таких лиц, по их мнению, насчитывается 23 человека, среди которых «наиболее энергичными распространителями последних произведений Толстого и проводниками его идей» являются: отставной гвардии полковник, князь Д. А. Хилков, землевладелец В. Г. Чертков, сын генерал-лейтенанта И. М. Трегубов, сын священника П. И. Бирюков, дворянин Е. И. Попов, сын статского секретаря Ф. Страхов и др.

## III. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ГРАФА ТОЛСТОГО

Авторитет графа Толстого, как писателя, его готовность иметь общение с интеллигентною молодежью даже крайних направлений, наконец, сочувствие и поддержка, оказываемые им последователям националистических вероучений, не только сделали имя его в этой среде популярным, способствовал распространению его последних сочинений, но и вызвали в то же время в некоторых лицах, неблагонадежных в политическом отношении, попытку составить организацию для борьбы с Правительством, путем пассивной оппозиции и уклонения от исполнения обязанностей, возлагаемых существующим государственным строем на каждого подданного.

Из числа лиц, пытавшихся составить подобную организацию на этих началах или занимающихся вообще пропагандою проводимых гр. Толстым идей, обращают на себя внимание:

1. **Фейнерман, Исаак** — бывший ученик Киевской классической гимназии, выкрест из евреев, в 1884 г. увлекся учением графа Толстого и, прибыв тогда же в «Ясную По-

---

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году, доктор юридических наук (2018), доцент (1996), главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины (Киев).

\* Продолжение. Начало см.: «Нева», 2020, № 8—9.

ляну», до фанатизма проникся его идеями, стал одеваться крестьянином и принял православие. Первоначально он был учителем в одной из графских школ, а затем переписывал сочинения Толстого и занимался вместе с последним полевыми работами. Будучи удален, по настоянию графини, из «Ясной Поляны», Фейнерман переехал в 1886 г. в Кременчуг, где основал общину, занимаясь столярным ремеслом, изученным у графа, а по смерти отца начал пропагандировать Толстовское учение среди молодежи, преимущественно еврейской.

Переехав впоследствии в Елизаветград, Фейнерман примкнул к разрешенному правительством еврейскому кружку под названием «Духовно-библейское братство», основанному неблагонадежным в политическом отношении местным жителем Янкелем Гардиным, и пытался организовать отделения этого братства в других местностях. Будучи рьяным последователем Толстого, он проповедовал необходимость создания мелких интеллигентных общин для занятий сельским хозяйством, мастерствами и т. п., но прочной организации создать не мог до тех пор, пока идея его о создании ремесленных школ братства не встретила сочувствия и материальной поддержки у местных состоятельных евреев.

Пропаганда Фейнермана имела последствием возбуждение брожения в Херсонской и Полтавской губерниях, где идеи его настолько окрепли, что большинство учащейся молодежи почти с момента поступления в школу уже группируется в кружки и примыкает к братству. В 1894 году Фейнерман привлечен был к возбужденному при Полтавском губернском жандармском управлении, в порядке положения о государственной охране, расследованию о кружке толстовцев, прекращенному, однако, без каких-либо для него последствий.

**2. Любарская, Хана Львова**, бывшая слушательница Надеждинских курсов, сожительница Фейнермана и деятельная его помощница. В 1886 г. она была задержана в квартире студента Лесного института Гофмана, у которого была найдена революционная типография. В ноябре того же года Любарская была выслана из С.-Петербурга за участие в демонстрации в память Добролюбова и подчинена негласному надзору, а в 1894 году, вместе с Фейнерманом, привлекалась к расследованию о полтавских толстовцах.

**3. Алехин, Аркадий Васильев**, Курский купеческий сын, бывший вольнослушатель Петровской Академии; в 1883 году обратил на себя внимание полиции тем, кто его квартиру в дер. Мазилове, 3 стана, Московского уезда, посещали по вечерам неизвестные молодые люди. Затем он переехал в Курск, а в 1884 году ездил за границу. В том же году, по делу о печатании революционных брошюр в литографии Янковской, было установлено, что Алехин должен был добыть денежные средства для революционной пропаганды среди лиц военного ведомства; проживая в Париже, Алехин вращался преимущественно среди русских политических эмигрантов (Тихомиров, Лавров и Серебряков).

С 1886 года Алехин поселился в своем имении, в сельце Успенском, Дорогобужского уезда, и первоначально обрабатывал землю трудом крестьян, но вскоре изменил способ хозяйства и начал исполнять все работы при помощи приезжих молодых людей привилегированного сословия, обоего пола, которых у него бывало не менее 30 человек. Все эти лица, будучи последователями графа Толстого, вели замкнутую жизнь и не допускали к себе никого постороннего; жили и спали в одной комнате на нарах, не принимали священника, работали в праздничные дни и, по отзыву крестьян, имели хорошие божественные книги, по 5 коп. ценою.

В конце 1890 года к Алехину стали прибывать из разных местностей масса людей, по-видимому, не имевших между собою ничего общего, различного возраста и общественного положения; между ними встречались и скомпрометированные в полити-

ческом отношении, а равно не имеющие письменных видов; в числе последних была и Анна Любарская. В марте 1891 года основанная Алехиным колония распалась; сам он выехал на родину в Курский уезд, а землю отдал бесплатно в аренду крестьянам.

4. **Новоселов, Михаил**, — дворянин, кандидат Московского университета, в 1888 году был привлечен к дознанию о распространении возмутительных воззваний по поводу приговора военного суда в Пензе по делу об убийстве крестьянами управляющего имением помещицы Тучковой и о причинах студенческих волнений, и уличен в распространения преступной брошюры Л. Толстого «Николай Палкин».

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению 1 февраля 1889 года Новоселову, по вменении в наказание предварительного ареста, был подчинен надзору полиции на один год в своем имении — усадьбе Душно, Весьегонского уезда. Здесь Новоселов, по выражению графа Толстого, «опростился» и стал заниматься крестьянскими работами, вместе с приезжавшими к нему молодыми людьми обоего пола. Лица эти одеваются по-крестьянски, живут как рабочие, едят грубую пищу, избегая употребления мяса, помогают соседям работою, а сам Новоселов оказывает крестьянам и материальную помощь, разрешая ловить у себя бесплатно рыбу, выручая деньгами и снабжая хлебом. Зимой 1889 года он подарил крестьянам 26 десятин леса с землею и предоставил бесплатно на сруб лесную дачу, стоимостью около 2000 рублей. Новоселов и его сожители, а также немногие из его соседей крестьян, не посещают церкви.

Для пропаганды своих идей Новоселов нашел в Тверской губернии уже подготовленную почву и пользовался покровительством помощника предводителя дворянства по училищной части в Весьегонском уезде князя Дмитрия Ивановича Шаховского. Последний, по полученным в 1887 году сведениям, распространял между учителями начальных училищ учение графа Толстого, раздавал в школах брошюры, хотя и разрешенные цензурою, но не одобренные учебным ведомством, и устраивал съезды учителей, на которых читались сочинения того же автора. Вследствие сего, князю Шаховскому, по распоряжению господина Министра Внутренних Дел, было сделано внушение с указанием, что его деятельность не согласуется с видами правительства.

Вскоре затем были получены сведения уже прямо указывавшие на неблагонадежность князя Шаховского. Так, им дана была одному из учителей для прочтения литографированная брошюра Толстого «Так что же нам делать»; в 1886 году в его квартиру были перевезены от учителя Спиридонова, незадолго до предположенного у последнего обыска, книги преступного содержания. Наконец, по совершенно секретным достоверным сведениям, Шаховской, не признавая террора удобным, высказывал, что «остальные пути хождения в народ, участие в государственной деятельности и литература для нас открыты. Старого хождения в народ, конечно, не будет, и не надо, но приближение к народу и общение с ним необходимы, возможны и осуществляются множеством людей и, между прочим, и нашими знакомыми».

Кроме того он выражал мнение о необходимости пропаганды в народе идей против существующего строя для приготовления государственного переворота, при чем рекомендовал ближе познакомиться с Весьегонским уездом. Князь Шаховской высказывал эти суждения, обмениваясь мыслями с товарищами своими: кандидатами С.-Петербургского университета Владимиром Вернадским и Федором Батюшковым, и приват-доцентами того же университета Яроцким и Ольденбургом.

Появление Новоселова в Тверской губернии с целою группою толстовцев-народников возбудило интерес к этому учению в среде учеников Тверской духовной семинарии, которым был открыт доступ в Варшавский университет; вследствие чего в 1888 году организовался и в Варшаве такой же кружок, во главе которого стал классный наставник Варшавского реального училища, бывший семинарист Пешехонов. Впрочем, с уда-

лением Пешехонова и привлечением членов кружка к другим дознаниям, движение это прекратилось.

**5. Волкенштейн Александр Александров**, врач, родился в 1851 г., будучи студентом Киевского университета в 1876 году обратил на себя внимание укрывательством в своей квартире прикосновенного к дознаниям, производившимся в Петербурге и Черниговской губернии, студента Иосифа Каблицы и содействием к побегу его за границу, вследствие чего некоторое время содержался под стражею в Киеве. По освобождении из под стражи, Волкенштейн ездил в Сербию и, возвратившись оттуда, поступил земским врачом в Сосницкий уезд, Черниговской губернии, где за ним, по распоряжению Киевского генерал-губернатора, был учрежден строгий надзор полиции.

В июле 1877 года, привлеченный к дознанию по делу о преступном сообществе в г. Полтаве Остапенко показал, что Волкенштейн, вместе с Синькевичем, Стеблин-Каменским и др., принадлежал к партии анархистов и посещал квартиры гимназистов Хахули и Сажина, где читались запрещенные издания. Дознанием, однако, не было добыто данных в подтверждение оговора Остапенко и дело в отношении Волкенштейна по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению было в 1878 году прекращено.

При производстве дознания по делу о преступной пропаганде в И М П Е Р И И были получены указания на принадлежность Волкенштейна к образовавшемуся в Киеве в 1873 году революционному кружку, носившему название «Коммуны». Дознанием было установлено, что Волкенштейн посещал дом Левицкого, где помещалась «Коммуна», вместе с Чернышевым и принял к себе в имение, под видом рабочих, обвиняемых по тому же делу Фросса и Бохановского; через него велась переписка скрывшегося Каблицы. По обыску у него оказался журнал «Вперед», чемодан с документами и вещами Каблицы и переписка, свидетельствовавшая о пересылке им денег Каблицу в Лондон.

Приговором Особого Присутствия Правительствующего Сената Волкенштейн был, однако, оправдан и затем поселился в Черниговской губернии, где сошелся с неблагонадежными в политическом отношении гласным Черниговского губернского земства Петрункевичем и врачом Белым. В 1879 году были получены указания на принадлежность Волкенштейна к тайному кружку, образовавшемуся около Белого, в котором находились и такие серьезные личности, как Присекая и Богомолец, впоследствии посланные на каторжные работы. Вслед за арестом некоторых членов этого кружка, Волкенштейн внезапно оставил службу и выехал из Черниговской губернии.

Независимо от сего, Волкенштейн неоднократно упоминался в показаниях некоторых государственных преступников, как их единомышленник; так по показаниям Богуславского, он принадлежал к революционной партии в Киеве, называвшейся «Молодые Украинафилы» и посещал революционный клуб, устроенный в Киеве, на Подоле; по словам Лизогуба, Волкенштейн считался устаревшим социалистом, но имел решающее значение в революционной среде, как человек денежный; по объяснениям Левченки и Ключникова, Волкенштейн, приезжая в Петербург, каждый раз пересылал в Киевский кружок революционные издания для распространения их, а в заявлении известного государственного преступника Дегаева, он характеризуется как «глубоко сочувствующий народоволец».

В 1880 году Волкенштейн поступил на службу земским врачом Кобелякского уезда, Полтавской губернии и аттестовался местною администрацией как человек безукоризненного поведения и весьма полезный на врачебном поприще, почему в 1884 году, по ходатайству Кобелякской уездной управы и представлений Полтавского губернатора, и был утвержден в должности с правами государственной службы по чинопроизводству; затем в 1884 году он перевелся ординатором Полтавского богоугодного заве-

дения, а в апреле 1886 года Волкенштейн выезжал, для сопровождения больной, в Австрию, Италию, Швейцарию и Францию. По полученным впоследствии сведениям, Волкенштейн прибыл в начале мая в Париж и, скрываясь там под псевдонимом «философа», виделся, при конспиративной обстановке, с Тихомировым и др. представителями народовольческой группы.

7 мая он отправился в Женеву для свидания с Дрогомановым, Волковым и Дебаго-рио Мокриевичем. Имелось основание предполагать, что с его появлением драгомановцы связывают не только разрешение множества вопросов по части совместительства их заграничной деятельности с деятельностью активных революционеров в России, но и ожидают восстановления правильного получения необходимых им материальных средств, которые тогда совершенно иссякли с арестами в России (главным образом в Киеве). Из Женевы Волкенштейн, полагая, что его пребывание и личность совершенно «законспирированы», отправился прямо в Россию и прибыл в Полтаву, где за действиями и кругом сношений его было установлено негласное наблюдение.

В 1892 году Волкенштейн примкнул к полтавскому кружку последователей Толстого, при чем известный толстовец Иван Клопский скрывался некоторое время у него и вел свою переписку по его адресу; независимо от сего он находился в близких сношениях с другими последователями гр. Толстого, в том числе кн. Хилковым и Кудрявцевым.

В 1894 году Волкенштейн привлечен был в качестве обвиняемого к расследованию о полтавском кружке толстовцев и по определению Особого Совещания 7 сентября 1895 года подчинен гласному надзору полиции на 3 года. Сведения по означенному делу об участии в нем Волкенштейна будут изложены в соответствующем месте ниже.

**6. Смотров Иван Афанасьев**, крестьянин Щигровского уезда, окончил курс в Белгородской учительской семинарии, бывший сельский учитель села Звонного, Ружьского уезда.

При производстве в 1890 году дознания по делу о Ростовском на Дону революционном кружке, у привлеченного к дознанию сельского учителя Григория Шапошникова были отобраны письма Смотрового, свидетельствующие о его политической неблагонадежности. Независимо от сего, при дознании было выяснено знакомство Смотрового с привлеченным к тому же делу учителем Дядиченко.

В бумагах привлеченного в Москве к дознанию по делу Егупова и др. мещанина Павла Филатова оказалось несколько писем к нему от Ивана Смотрового, который, между прочим, сообщал о полученных им письмах из Харькова от товарища, бывшего учителя, сидящего за отказ от воинской повинности в одиночной гауптвахте, при одиночной тюрьме в Петербурге, от товарища, бывшего учителя, сидящего как политический, и от Хилкова из С.-Петербурга. Далее Смотров просил Филатова о высылке 5 р., содержащемуся в одиночной тюрьме в С.-Петербурге Дядиченко, и сообщал программу «общины», имеющей целью пропаганду среди крестьянского населения.

По обыску у Смотрового оказались рукописи сочинений гр. Л. Толстого, выписки из них, переписка с толстовцами Хилковым, Дрожжиным, Дядиченком, Брюховецким; показаниями свидетелей было установлено, что Смотров пропагандировал крестьянам, что не следует ходить в церковь, принимать присягу и платить подати и проводил мысль об общем равенстве людей и принадлежности земли тому, кто ее обрабатывает. В показании по делу Смотров объяснил все свои поступки религиозными убеждениями.

Дознание о Смотровом, за отсутствием оснований к обвинению его в государственном преступлении, по соглашению Министров Внутренних Дел и Юстиции, в январе 1893 года было производством прекращено, с установлением за ним негласного надзора.

Затем в марте 1893 года начальник Курского губернского жандармского управления препроводил в Департамент полиции копию письма толстовца Павла Бирюкова на имя заключенного в Воронежском дисциплинарном батальоне Евдокима Дрожжина (отказался от исполнения воинской повинности и впоследствии умер). В этом письме Бирюков, сообщая сведения о единомышленниках, между прочим, писал, что «Смотров ждет ссылки в Олонецкую губернию»; в означенное время Смотров проживал в Курской губернии, где по имевшимся сведениям учение графа Толстого распространялось, главным образом, в слободе Вышне-Михайловке, Ново-Оскольского уезда, месте жительства Смотров, Шапошникова, Дядиченко и др. Впоследствии Смотров переехал в Полтаву и здесь в 1894 году также привлечен был к расследованию о местном кружке толстовцев.

**7. Булыгин Михаил Васильев**, подпоручик запаса Гвардейской пехоты; в 1887 году был уволен за непослушание начальству из Петровской Академии на 1 год, с правом немедленного поступления в другое учебное заведение. С 1889 года поселился в своем имении в Тульской губернии, по соседству с гр. Толстым, начал дарить землю крестьянам и сам повел странный образ жизни: пахал землю и исполнял все черные работы; живет с женою коллежского советника Анною Славковскою, посещает с нею Толстого, который, в свою очередь, приходит к ним. В 1891 году Булыгин письменно заявил местному исправнику, что отказывается исполнить требование воинского начальника о доставлении сведений о месте своего жительства, как офицер запаса; требование это не признает обязательным, не пойдет, в случае призыва, на войну, и исполняет только то, что исходит от Бога и Спасителя.

**8. Дунаев, Александр Никифоров** (в Москве) принимает участие в издании за границей сочинений Толстого; переписывается с графиней Татьяной Толстой, которая, также как и ее сестра Мария, по имеющимся негласным сведениям, участвуют в издании за границею последних сочинений Толстого.

**9. Шмидт, Мария** — знакомая Черткова и Толстых, у которых была в «Ясной Поляне»; переписывали «Тулун» и «Царствие Божие»; в 1892 году проживала в Черноморском округе, где занималась чтением проповедей Толстого и, по-видимому, находилась в сношениях с сектантами.

**10. Ширяев, Николай**, интересуясь толстовским миром, привлекавшийся ранее два раза к дознаниям политического характера, предполагал собрать всю переписку по возникшему среди толстовцев, по инициативе Фейнермана, вопросу об объединении и общине, на основании высказанного уже Толстым, Хилковым, Чертковым, Фейнерманом и другими.

**11. Кутелева, Елисавета Прохорова**, московская мещанка, проживает в имении землевладельца Владимира Черткова «Новоселовке», Воронежской губернии, в качестве приказчицы в его молочной лавке. По желанию Черткова, учила грамоте крестьянских детей, каковая деятельность была воспрещена ей местным земским начальником. Описывая этот случай проживающей в Москве некоей Александровой, она проводит мысль, что «обучение грамоте запрещено ей потому, что она не одарила местных приходских попов. Так думают и крестьяне». Далее пишет: «Здесь все убеждает меня, что я не имею права сидеть в Москве в то время, как в деревнях такая беспросветная тьма и несправедливость; и хотя ничего, может быть, не сделаю, но совесть моя и разум велят быть в стане погибающих, а не в стане ликующих. Еще больше эти факты должны уяснить и показать путь, по которому должны идти, и место, где должны действовать люди, дошедшие до сознания, что они не имеют права жить только личною жизнью. Ведь каждому очевидно, что потому и действовать не дают, что слишком мало в деревнях такого народа и как только таковой появляется, то на него смотрят, как

на что-то уродливое, которое надо, по возможности скорее, тем или иным путем извести. Изводят администрация, попы и даже само общество».

12. **Билим-Колосовский, Евгений Дмитриев**, проживает в Пятигорске. В июне 1894 года получены были совершенно секретные сведения, что мещанин Евгений Попов послал Билим-Колосовскому по почте «Царство Божие» и «Краткое Евангелие» Толстого.

13. **Юшко, Авраам Васильев**, студент Харьковского ветеринарного института. В феврале 1894 года были получены достоверные совершенно негласные сведения, что распространением «Царства Божия» занимается в Харькове некто «Юшка», отпечатавший сотню экземпляров, которые уже разошлись.

Юшко известен местному жандармскому управлению как рьяный последователь учения Толстого, имел и сам переписывал неизданные его сочинения и был занят перепискою «Царства Божия», которое затем хотел воспроизвести на пишущей машине; переписывается с А. Лютецким в Москве, также, по-видимому, исследователем Толстого.

Но наиболее энергичными распространителями последних произведений Толстого и проводниками его идей являются:

14. **Князь Хилков, Дмитрий Александров**, отставной гвардии полковник. Получив от матери 400 десятин земли близ с. Павловки, Сумского уезда, Хилков начал вести жизнь, свойственную крестьянину, одеваться в простонародную одежду, лично исполняя все сельские работы, землю распродал крестьянам гораздо дешевле ее стоимости, а себе оставил надел в 3—4 десятины. Землю эту он обрабатывал вместе с дочерью полковника Цецилией Винер, которую выдает за свою жену и имеет от нее детей, им некрещеных. Церкви Хилков не посещает и проповедует учение, которое представляет средину между учением Толстого и штундою, так как Евангелие толкует в духе штундистов. В 1889 году за распространение рукописи Евангелия, заключавшей в себе кощунственные взгляды на многие правила и обряды православной церкви, Хилков был привлечен, вместе с своими единомышленниками (в числе 15 человек), к следствию, (прекращенному впоследствии по определению Окружного суда), при чем и на допросе заявил, что, оставаясь христианином, не признает нужным исполнять обряды православной церкви.

В виду установленного вредного влияния на крестьян, Хилков по распоряжению Министра Внутренних Дел, в декабре 1891 года был выслан на жительство под гласный надзор полиции в Тифлисскую губернию сроком на 5 лет. Эта мера, а равно и наказание по суду, главных его единомышленников не остановила, и в настоящее время число отпавших от православия в с. Павловке и не признающих государственного строя настолько увеличилось, что привело к необходимости принятия чрезвычайной меры, — перенесения волости из этой местности, чтобы этим ослабить вредное влияние учения Хилкова на крестьян.

Однако, уже в марте 1894 года были получены сведения, что в слободе Павловке продолжается среди крестьян упорное отчуждение от церкви, причем, местные крестьяне Стрижак и Павленко, отказавшиеся от исполнения воинской повинности и отсидевшие за это в тюрьме 1 год и 4 месяца, по возвращении домой открыто отрицают необходимость воинской повинности и проповедуют неповиновение властям. По словам одного из крестьян, оставившего учение Хилкова, последний открыто убеждал крестьян готовиться к имеющему быть социальному перевороту, утверждая, что у его партий есть последователи во всех классах и посреди войска, своя дружина в артиллерии и своя касса и анархическое бюро в Смоленске.

Одновременно с сим в Министерство Внутренних Дел сообщена была обер-прокурором Святейшего Синода копия письма упомянутой выше Цецилии Винер от 15 де-

кабря 1893 года из г. Валок на имя крестьянина села Павловки Петра — заведующего имением Хилкова и преданного до фанатизма учению Толстого. В письме этом Винер, между прочим, сообщала, что у них был на днях Иван Клопский и привез с собою последнюю книгу Толстого «Царство Божие внутри вас». По словам Винер — это замечательная книга. В ней говорится о том, как сознание людей мало помалу меняется и возвышается и что настает время, когда это высшее сознание медленно, но верно разрушит весь старый строй жизни. «Клопский, писала далее Винер, хотел ехать в Павловку нарочно, чтобы и вам почитать из этой книги. Позови его к себе или побывай у Федота (крестьянин пользующийся в Павловке среди толстовцев наибольшим уважением и авторитетом), чтобы послушать это превосходное сочинение. Дорого оно стоит и трудно его достать».

Вследствие сего, и на основании имевшихся у местных властей указаний, был произведен 27 мая обыск у проживающей в с. Бельном, Екатеринославского уезда, акушерки-фельдшерицы Анны Александровны Шандер (по мужу Аптекман), причем, найден один экземпляр «Царства Божия», полученный, ею по почте, без всякой с ее стороны просьбы, от дворянки Ольги Скороходовой, проживающей на ст. «Самтреди», Закавказской железной дороги, с которою Шандер познакомилась, по своей профессии, в 1891 году.

**15. Клопский Иван Михайлов**, почетный гражданин, бывший вольнослушатель С.-Петербургского университета, занялся пропагандой толстовского учения еще в начале восьмидесятых годов. Первоначально он агитировал в Петербурге и несколько раз увлекал молодых людей и организовал поселки в разных местностях России, но попытки эти успеха не имели. В декабре 1886 года он был выслан из столицы, а в 1890 году задержан в Твери за безписьменность и подчинен негласному надзору. В октябре 1890 года он посетил поселок Аркадия Алехина в Курской губернии, а затем пропагандировал в Пензе среди учащейся молодежи, преимущественно семинаристов, где и успел вызвать брожение в смысле необходимости селиться на земле, ослабевшее, впрочем, после удаления его из Пензы.

Впоследствии Клопский был привлечен к дознанию политического характера, подвергнут тюремному заключению на 1 месяц и гласному надзору полиции, проживал временно в Полтавской губернии у доктора Волкенштейна, обращая на себя внимание дерзким и вызывающим поведением по отношению к властям и открытою проповедью толстовского учения, а затем скрылся из-под надзора. В апреле 1894 года были получены секретные сведения, о посещении им Цецилии Винер в г. Валках, куда он привез экземпляр «Царства Божия», которое читал нескольким лицам, а затем намерен был проехать в слободу Павловку (имение Хилкова), для чтения этого сочинения местным крестьянами.

**16. Дудченко, Митрофан Семенов**, мещанин г. Сум, не окончивший гимназии, в 1890 году привлекался к следствию вместе с кн. Хилковым по обвинению в отпадении от православия, был наиболее твердым и убежденным сторонником лжеучения Хилкова и принимал по собственному почину все меры к распространению последнего.

В мае 1891 году Дудченко подал в Министерство Внутренних Дел жалобу на высылку «жены его Марии Симонсон» из Харьковской губернии (по распоряжению местного губернатора, на основании 16 ст. Пол. об охране, за принадлежность к штунде и вредное влияние на крестьян) и называл это распоряжение «насилием», которое не может пройти безнаказанно для насильствующих, и к которому «окружающее нас общество, признающее наши семейные отношения, не смотря на отсутствие брачного обряда, не может оставаться равнодушным. Если всякий разводящийся с женою, по учению Христа, есть прелюбодей и нравственно преступен, то насколько более преступны и про-

тивны Христу те, которые насильно разводят и берут на себя право разводить?» Дудченко признавал эту высылку «страшным беззаконием» и требовал, чтобы оно, если уж должно быть совершено, то было бы применено и к нему.

Проживая затем на своем хуторе в Сумском уезде, Дудченко распространял среди крестьян штундизм и давал убежище лицам неблагонадежным и поднадзорным, с которыми преимущественно и вел знакомство; личность неблагонадежная в политическом отношении, он тем более может считаться опасным, что материально обеспечен, получил некоторое образование и обладает тактом и умением говорить.

Деятельность Дудченко в Харьковской губернии вызвало необходимость применения к нему административной высылки, после чего он поселился в Полтаве, где вместе с Фейнерманом, Митрофаном Алехиным, студентом Леонтьевым и др. составил тесный кружок, занимавшийся между прочим, столярным ремеслом и находившийся в сношениях с бывшими административно-сылными. В марте 1892 года Дудченко переселился в Заньковский уезд, занялся хлебопашеством, столярным ремеслом, вел вначале простую и уединенную жизнь, а затем снова приступил к распространению учения Толстого и пропаганды идей о неповиновении властям, незаконности военной службы и т. п., в виду чего весной 1893 года водворен был под надзор полиции в Полтаве, сроком на 2 года, где и проживает вместе с Симонсон.

В 1894 году Дудченко сообщал из Полтавы в Москву Павлу Бирюкову сведения об успешном движении среди крестьян, отстранившихся от церкви, в с. Павловке и Речках, и просил выслать новеньких книжек для крестьян села Речки, о чем его, Дудченко, «очень просили», а осенью того же года, вместе с Симонсон привлекался к расследованию о местном кружке толстовцев.

**17. Дудченко Николай Иванович**, сумский мещанин. Известен как один из деятельнейших пропагандистов штундизма и последователей князя Хилкова. Не совращая открыто крестьян, он в своих разговорах с ними порицал православие, глумился над церквями, постами, праздниками и т. п. Поселившись в 1891 году в дер. Васильевщины, Павловской волости, Сумского уезда, он задался целью устроить там общежитие для штундистов, в котором могли бы находить приют их единомышленники. Возмущенные его проповедью крестьяне дер. Васильевщины, постановили приговор об удалении Дудченко из своей среды. В виду сего Харьковский губернатор в 1891 году, на основании 16 ст. Положения об охране, воспретил Дудченко жительство в Сумском уезде. В 1892 году Николай Дудченко поселился в Полтаве, где примкнул к кружку толстовцев, сгруппированному около Исаака Фейнермана, и работал в его столярной мастерской, проживая совместно с Митрофаном Алехиным, мещанином Семеном Прокопенко и др. толстовцами.

Из письма Хилкова в Москву от 18 мая 1893 года на имя «П. К.» видно, что Николай Дудченко был в Елисаветполе, где видел много сосланных. Особенно ему понравились штундисты, которые по исповеданию ближе всего подходят к квакерам. В июне 1894 года Дудченко приезжал в слободу Нальчик, Терской области, где устроили колонию толстовцы Скороходов, Алехин, Гостев, Фалеев и др. Во время его пребывания там толстовцы довольно поздно вечерами просиживали, занимаясь чтением.

**18. Чертков, Владимир Григорьевич** — землевладелец Воронежской губернии, один из ближайших сотрудников гр. Толстого, находится в постоянных письменных сношениях с последним, М. Алехиным, Бирюковым и др. Сын генерал-адъютанта, сам бывший офицер гвардии, один из крупнейших землевладельцев Воронежской губернии, Чертков пренебрег карьерой, бросил службу и поселившись в глуши уезда, всецело отдался делу пропаганды религиозных и нравственных воззрений графа Льва Николаевича среди окрестного населения. Как ни резок такой поворот в жизни, но, по словам

людей знающих, он вовсе не представляется чрезвычайным. Добрый, мягкосердечный, слабохарактерный Чертков, с детских лет находился в руках женщин. Получив прекрасное образование под руководством лучших учителей и гувернеров, он вместе с тем свои религиозные и нравственные принципы и склонность к размышлениям на богословские и философские темы заимствовал от матери своей, последовательницы Пашковских вероучений. В лице жены своей он нашел женщину болезненную, но с твердой волей, и тоже преданную современным веяниям религиозного характера.

Подстрекаемый, с одной стороны, словами матери, женщины энергичной и сильной духом, с другой, взглядами, убеждениями жены, Чертков не мог устоять от соблазна выступить активным проповедником идей графа Толстого и, прибыв в Богучарский уезд, в свое родовое имение хутор «Ржевск», нарядился а la Толстой в порты и рубаху, опростился и принялся пропагандировать. Личные его свойства доброта души, вежливое и ласковое обращение, — легко привлекают к нему людей, а крупные связи и независимое состояние позволяют ему рисковать на такие поступки, о которых другой не посмел бы и думать.

Год или два жизни семейства Черткова в Богучарском уезде — и хутор «Ржевск» стал притоном «толстовцев», а сам Чертков их средоточием и опорой. В летнее время, проживая в своем имении, В. Г. Чертков одевается не только просто, но грязно и неряшливо, ест за одним столом со своими приверженцами и прислугой, делает попытки принимать участие в сельских работах, но всегда неудачно, не имея для того ни достаточно сил, ни навыка, а главное где и чем только можно, словом и книгами, сеет в народе идеи графа Толстого, который, желая лично убедиться в успехах своего любимого ученика, приезжал на хутор, где прожил несколько дней. В свою очередь, и Владимир Григорьевич не раз посещал «Ясную Поляну».

Деятельность Черткова, как проповедника толстовщины уже принесла плоды. Не считая управляющего его имением поручика Николая Ростовцева с женою и 2 дочерьми и учителя Александра Радина с женою<sup>1</sup>, состоящего под негласным надзором Николая Иванова и его отца, в рядах приверженцев Черткова насчитывают десятки лиц; сочинения графа Толстого как легальные, печатные, так и не дозволенные, в рукописях, имеют постоянное обращение в народе; недоброжелательное отношение к администрации если и не выражается явным неповиновением или грубостью, то только из страха возмездия; насмешки и издевательства над православием и духовенством — явление не редкое; не далее как в великом посту 1896 года священник, соседней с хутором «Ржевским», церкви, имея надобность в церковном вине для приготовления Священных даров, отправил человека со своей посудой в близ лежащую слободскую лавку и ему, в насмешку, вместо вина, прислали свекольного кваса. Сам В. Г. Чертков, как истинный ревнитель толстовских взглядов на православие, где и чем только можно выражает свое озлобление к церкви и ненависть к духовенству.

Так, например, крестьяне, убирая хлеб у Черткова, решили пожертвовать заработок Воскресного дня в пользу своего храма, уже давно нуждающегося в ремонте; узнав об этом, Владимир Григорьевич прогнал их с работы и велел приходить в понедельник, объяснив, что для церкви не стоит давать ничего. Священнику миссионеру, назначенному настоятелем в ближайшую к хутору церковь со специальною целью противодействия распространению раскола среди православного населения и соращению его в Пашковскую и Толстовскую ересь, В. Г. Чертков как лично, так и через клеветников своих, старается чем только можно вредить, силится восстановить против него прихожан, действует и путем насмешек и путем угроз, короче — принимает все меры чтобы удалить его.

<sup>1</sup> Оба, между прочим, отказались принять верноподданническую присягу.

По совершенно секретным достоверным сведениям, Чертков делал поправки в сочинение Толстого «Христианство и Патриотизм», интересуясь ходом этого «нужного людям писания» и работою графа Толстого над общедоступным извлечением учения Христа, которое, по его мнению, будет иметь «совсем особенное значение», участвовал в изготовлении биографий Дрожжина и по поводу заключительной статьи, изготовленной к этой биографии Поповым, высказал, что заключение к биографии должен написать сам Толстой, когда все изложения жизни Дрожжина будет сгруппировано. Написать таковое, по его мнению, следует в духе «наиболее смиренном и любовном, чтобы тронуть сердца и усовестить тех, что мучает Дрожжиных. Всем, непричастным к государственному насилию, достаточно прочесть повествование о поступке, страданиях и смерти Дрожжина; заключение же нужно для того, чтобы раскрыть глаза сторонникам государственного насилия, чтобы не столько уличить их, сколько привлечь».

Противогосударственный обличительный задор здесь, по мнению Черткова, неуместен, так как самый поступок Дрожжина был не обличительный, а кроткий: он отказывался воевать материальными средствами, из-за чего, следовательно, и в области мысли не надо воевать ударами и обличениями, а смягчать сердца и привлечь их к истине.

К биографии Чертков находил нужным присоединить сведения и об остальных, отказывающихся в России от военной службы. «Когда читатель узнает, пишет Чертков, что Дрожжин не один, то поймет, что это зарождение нового отношения к христианству в человечестве, а не единичные проявления индивидуальностей. В этих видах Чертков советовал Попову заехать в Павловку для свидания с тремя отказавшимися от военной службы крестьянами и для получения сведения об умершем в Закавказском крае их товарище. В апреле 1893 года Иван Горбунов писал из Москвы Ивану Шеталову в С.-Петербург: «хорошо бы, если бы вы опять двинули ящик молока (очевидно книг) на Ольгинскую, Воронежско-Ростовской Железной дороги, Черткову. Счет написать на мое имя».

В присутствии прокурора Острогжского окружного суда и полковника Хартулари Чертков высказывал мысль, что вскоре все последователи Толстого перестанут быть пассивными зрителями нашего государственного неустройства и обратятся к активной деятельности. Будучи допрошен в качестве свидетеля по одному делу, Чертков показал, что хотя и крещен в православии, но ныне от него отрекся, не считает возможным называть себя дворянином, так как признает нелепым деление людей на сословия, и удивлялся, что его допрашивают не как обвиняемого. По существу дела отказался давать показания, не считая себе вправе показывать против своих ближних и к допросу вышел босой, в холщовой рубахе и портках.

Чертков, будучи богат, неумеренною благотворительностью настолько деморализовал крестьян, что очи предались лени и перестали заботиться о своем хозяйстве, рассчитывая, что он снабдит их всем необходимым. Чертков оказывает глухое противодействие местным властям, парализуя их распоряжения. Так, он внес штраф, наложенный земским начальником на сельского старосту, допустившего открытие в Новоселовке Елизаветой Кутелевой школы без разрешения начальства. Подобным направлением своей деятельности Чертков достиг того, что крестьяне предпочитают следовать его внушениям, а не распоряжениям властей.

К числу помощниц Черткова по благотворительности следует отнести, проживающую на его средства в сл. Александровке, Лизинской волости, дочь статского советника Ольгу Павлову Косогорскую, которая, называя себя фельдшерлицей, раздает крестьянам лекарства, а также и книги для чтения.

По полученным секретным сведениям, Чертков в июне 1894 года приглашал к себе Попова «для поручения очень важной и серьезной работы, практически важной для

всех гонимых друзей, которой очень сочувствует и гр. Толстой». Затем, в том же июне Чертков просил, через какую то личность, живущую в Москве, Николая Дмитриевича Ростовцева выслать в Тулу «маленький копировальный пресс».

**19. Алехин, Митрофан Васильев**, классный художник. Из писем Василия Гусева, привлекавшегося в 1890 году в С.-Петербург по делу террористического кружка, отобранных у обвиняемой по тому же делу Неониллы Истоминой, видно, что рекомендованный в этих письмах, как полезный деятель, Николай Кулагин, дал для сношений с ним адрес Митрофана Алехина. В мае 1890 года Митрофан Алехин проживал в имении брата своего Аркадия, в Дорогобужском уезде, Смоленской губернии, где одновременно с ним жило много интеллигентной молодежи, занимавшейся сельским хозяйством, а затем переехал в свое имение — хутор Байрачный, Харьковской губернии, где основал отдельную общину, в которой участвовали Фейнерман, Кулагин, Иван Клопский и сын землемера Сергей Романов. После распада общины Алехин проживал у князя Хилкова, затем на хуторе братьев Дудченко, в Сумском уезде, откуда за деятельную пропаганду штунды в августе 1891 года был выслан и, переехав в Полтаву, примкнул к кружку Фейнермана, к которому принадлежали также высланные из Харьковской губернии братья Дудченковы, домашняя учительница Мария Симонсон и др. Наблюдением выяснено, что кружок этот, занимавшийся столярными работами, находился в сношениях с проживавшими в то время в Полтаве бывшими административно-ссылными и поднадзорными и со многими штундистами и толстовцами.

Из достоверных секретных сведений видно, что М. Алехин, в письме к графу Толстому от 10 февраля 1894 года писал: «Само общество, представители которого — власти, указывает нам, что настоящая деятельность христианина должна состоять в том, чтобы, отказавшись от участия в церкви и деятельности государственного строя, отказавшись от участия в общественных делах и от всего того, что так сказать, слепляется с церковью и государством, не пользоваться ничем, что имеет какое-либо отношение к тому или другому, т. е. отказаться от имущественной, земельной и вообще от какой бы то ни было собственности, от родственных связей, от жены, детей, т. е. от семейственности, а остаться неимущим бездомным бродягою и в кротости, смирении и любви обличать наш существующий порядок, поддерживаемый людьми, имея ко всем любовь и приязнь, и кто бы ни принял, — там оставаться, и что бы ни давали, чем бы ни кормили — оставаться всегда неимущим, все отдающим и ничего не принимающим от других, кроме необходимого для поддержания существования куска хлеба выработать его трудом своим.

При существующем строе общества, остается одно, — удалиться из него туда, где есть такой порядок общественного устройства, который соответствовал бы нашим стремлениям. Не может быть семья в семье и государство в государстве, а могут быть только люди несогласные с настоящим строем общества и всеми силами стремящиеся подвинуть всех к сознанию ложности настоящего строя, указывая тот идеал, к которому должно стремиться».

В последнее время Митрофан Алехин, проживая на Кавказе, состоит в переписке с графом Толстым и его последователями и, как установлено расследованием, занимался воспроизведением сочинений Толстого, в том числе и сочинения «Царство Божие».

При производстве в 1894 году дознания в С.-Петербурге по делу о преступном обществе, именуемом «партией Народного Права», между прочим, были получены указания, что обвиняемая дочь священника Вера Михайлова Величкина помещала в летучих листках «Фонда вольной русской прессы» в Лондоне сведения из политической жизни России и, между прочим, сообщение о смерти в тюрьме толстовца Дрожжина. Допрошенный по этому поводу обвиняемый дворянин Владимир Сыщан-

ко показал, что в 1893 году, во время проживания за границей, он и Вера Величкина получили в Цюрихе предложение помещать в выходящих в Лондоне «Летучих листках» какие попадутся интересные сведения из России, из области происшествий, которые не могут быть оглашены в империи. Не решаясь на это по своим убеждениям, Величкина обратилась за советом к своим друзьям толстовцам. На это Митрофан Алехин ответил ей, что раз корреспонденция касается разоблачения фактов насилия над «христианами», особенно толстовцами, то, конечно, она даже должна их печатать; вместе с тем Алехин прислал ей сведения о смерти в тюрьме Евдокима Дрожжина, отказавшегося от воинской присяги. Это была, по словам Сыцянка, единственная корреспонденция, которую Величкина поместила в изданиях Фонда.

Со своей стороны Величкина показала, что вышеупомянутое предложение посылать сведения в «Летучие листки» было сделано ей эмигрантом Бурцевым, который вообще обращался с этим ко всем, отъезжающим в Россию. Получив от Алехина сведения о Дрожжине, она, однако, не передала таковых Бурцеву, а отослала в подлиннике прямо в Лондон по адресу эмигранта Войнич, которого и просила сохранить выражения автора корреспонденции и не придавать этому сообщению тенденциозной окраски. Других сообщений она туда не посылала. Величкина познакомилась с Толстым в 1892 году во время совместной деятельности по устройству столовых для голодающих, прониклась его учением и, по его совету, отправилась за границу изучать медицину.

**20. Трегубов Иван Михайлов**, сын умершего священника с. Соколки, Кобелякского уезда, пропагандировал учение Толстого среди рабочих в Орехове, Владимирской губернии, о чем и писал Бирюкову, утверждая, что благодаря книге Л. Н., рабочие крайне скептически и холодно отнеслись к учению одного из прибывших в Орехов «марксистов». Состоя в переписке с Кудрявцевым и Хилковым, интересовался изданием «Царства Божия»; знаком с Фейнерманом и проживает ныне в Воронежской губернии у Черткова. Трегубов изучает у деревенского портного портняжное ремесло, одевается оборванцем и собирает в стакан насекомых, водящихся на нем в изобилии, с тем, чтобы выпускать их затем на волю, не имея по своим убеждениям права лишать жизни малейшее живое существо. Трегубов придерживается вегетарианства, не признает православия, не желает именоваться принадлежащим ему званием почетного гражданина, отказывается от исполнения правительственных распоряжений и т. п.

**21. Страхов, Федор**, сын коллежского секретаря, — вегетарианец и убежденный толстовец, владеет в Москве библиотекою изданий для народных чтений; занимается составлением сборника, в котором предполагает поместить статью Попова о Дрожжине, и отправить затем для просмотра графу Толстому. Он же писал Попову, что собирается читать «Царство Божие» молоканам и имеет экземпляр этого сочинения, «который гуляет по Урюпину и читается там на расхват», и что после беседы с молоканами, он нашел, что у них «три пункта помешательства: 1) боговдохновенность всей библии, 2) необходимость чудес и 3) Божественность Христа», и пришел к заключению, что «им нужно прочесть все Евангелие специально затем, что нужно прочесть им, да и вообще всем заблуждающимся людям, все те места из Евангелия, которые только потому и понимаются в искаженном виде, что приняты боговдохновенность, чудеса и божественность Христа». Страхов сообщал Попову, что среди офицеров зародилось отрицательное отношение к военной службе и просил прислать ему «Христианство и Патриотизм».

**22. Бирюков, Павел Иванов**, дворянин, сын генерал-лейтенанта, 33 лет, — проживая в Петербурге был содержателем книжного склада под фирмою «Посредник». В июне 1889 года на ст. Новый Буг, Херсонской губернии, были сданы две ценные посылки, адресованные в Костромскую губернию, в имение Бирюкова, на имя, го-

стившего у него толстовца, отставного штурманского офицера Ивана Ругина, сына содержателя склада «Посредник». И в том же июне Костромской губернатор препроводил в Главное управление по делам печати 39 изданных тайно экземпляров брошюры Л. Толстого по религиозным вопросам. При этом было выяснено, что брошюры эти печатаны в Москве в типографиях Вильде и Сытина, а продаются в книжном магазине «Посредника». В 1891 году были получены указания, что Бирюков организовал в Костромской губернии интеллигентную общину с главной целью культурного влияния на народ. Кроме того, по имеющимся сведениям, Бирюков ездил за границу для издания запрещенных сочинений графа Толстого, был вызван из Женевы для редактирования таких сочинений и пытался получать их из-за границы, по адресу американского консула, при посредстве г-жи Диксон, служащей секретарем при консульстве.

По совершенно достоверным секретным сведениям, Бирюков находится в переписке с Владимиром Чертковым, Евгением Поповым и Иваном Трегубовым и, по-видимому, посвящен в пропаганду толстовского учения среди рабочих в Орехове, Владимирской губернии, участвовал в собирании писем умершего Дрожжина для составления биографии последнего и должен был отправить экземпляр «Тулона» Л. Толстого, для печатания в Бордо.

**23. Попов, Евгений Иванов**, бывший канцелярский служитель, дворянин, энергично занимается собиранием писем, воспоминаний и заметок об умершем Дрожжине, для составления написанной им биографии последнего, особенно близок с семейством Толстого и состоит с ним в переписке, распространял «Царство Божие», «Краткое Евангелие», «Тулон» и «Религия и нравственность». 31 мая 1894 года он писал в Полтаву Александру Волькенштейну, для передачи Борису Николаевичу Леонтьеву:

«Все я получил, за все благодарю. Дневник меня разочаровал: я ожидал найти там биографические сведения, а там большею частью заметки о прочитанном и черновики писем, многие к Дядиченку, переписка с которым мне так скучна. Науменко, помощник начальника тюрьмы, где умер Дрожжин, хранил этот дневник у себя, не давая его даже в тюремную контору, и говорил, что в нем есть такие вещи, что не дай Бог — попадутся какому-нибудь молодому человеку. Я и ожидал этих вещей. В дневнике вырвано две страницы; — не Науменки ли это работа? Тоже и зачеркнутое? Я надеюсь, однако, все разобрать, также и шифр, который я уже научился читать. Спасибо за письма. У меня два Ваших письма к Др».

В письме от 15 июня 1894 года в г. Николаеве Василию Макарьеву Кондратьеву Попов писал: «О гонениях я думаю так: государство и церковь так залгались, называя себя христианскими, что вынуждены теперь гнать исповедников христианства, и это хорошо тем, что обманываемые люди увидят своими глазами, что одни христиане гонят других христиан и всякий задумается, кто же действительно христиане и по делам их увидит — кто. И эти гонения помогают Божьему делу тем, что побуждают к пробуждению людей. А потом всякий, ожидающий гонений, волей неволей проверит себя, во что он действительно верит. Но я думаю, что гонение полезно и хорошо только тогда, когда оно само приходит, а не тогда, когда мы вызываем его. Со всеми нами связаны другие люди и наше гонение для них большое горе. А потому, если мы вызываем сами гонения, то заставляем других страдать, а это грешно. Надо жить открыто, не прятаться и не глядеть вперед, но и не вызывать» (с. 42 об.—57).